УДК 297.1

Северо-Кавказский имамат: опыт изменения массового сознания и радикализации религиозного вероучения

Горин А.А.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Силаева З.В.
Кандидат политических наук,
доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье поднимается вопрос о механизмах изменения массового сознания с использованием элементов наднационального религиозного вероучения, отдельных догматов мировой религии. Особое внимание уделяется механизму изменения национально-культурной идентичности человека, подмене последней религиозным фанатизмом, основанным на отрицании исторически сложившихся правовых, этических и эстетических традиций.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, суфизм, газават, джихад, изменение сознания, религия, ислам.

Вопрос о механизмах воздействия на массовое сознание вплоть до его принципиального изменения в настоящее время приобретает особенную актуальность. Особенно это касается механизмов, действие которых обусловлено распространением религиозных доктрин. В настоящее время, когда в различных регионах мира определяющей становится религиозная и статусная самоидентификация их жителей, а религиозная статусно-идентификационная система сохраняет свой международный статус, влияние религиозных вероучений и их лидеров начинает оказывать всё большее воздействие как на бытовую жизнь граждан целого ряда регионов Земли, так и на глобальные геополитические процессы.

Одним из наиболее значимых случаев в истории Нового времени, когда изменение сознания широких масс людей оказало серьёзное влияние на геополитику, стало создание в 20-х гг. XIX в. такого государственного образования, как Северо-Кавказский имамат. При изучении процесса становления данного государства можно наблюдать выраженное сходство с механизмами, использовавшимися на территории Ближнего Востока в XXI в. при создании Исламского государства Ирака и Леванта (ИГ, ИГИЛ – организация, запрещённая на территории РФ – прим. авт.).

Созданию Северо-Кавказского имамата на территории Северного Кавказа (территориях будущих Дагестана и Чечни, территории, населённой аварцами) предшествовало формирование серьёзного религиозного конфликта внутри северо-кавказской мусульманской общины. Согласно свидетельствам современников, к концу XVIII в. на территории будущего имамата уже достаточно прочно сформировались мусульманские общины, органично вписавшиеся в культурную среду Северного Кавказа. Исповедание ислама сочеталось на Северном Кавказе с активным использованием адатного права (законодательных и морально-этических норм, основанных на исторически сложившихся обычаях народов Северного Кавказа) [1, с. 4] и сохранением народных танцев, игр, песен, легенд, костюмов и исторической памяти [2, с. 125-126].

Однако в первой половине 80-х гг. XVIII в. на Северном Кавказе начинается распространение идеологии северо-кавказского суфизма (мюридизма), создателем которого М.Я. Корольков [3, с. 411-412], С.К. Бушуев [4, с. 73] и А.М. Пикман [5, с. 75] называют шейха Мансура. В основе мюридизма шейха Мансура лежит идеология суфийского тарикат (братства) Накшбандия. Изначально данный тарикат отличается сравнительно демократичными законами: не требовал от человека оставления его мирской жизни и даже позволял занимать государственные должности [6, с. 347-348] и владеть имуществом в достаточно крупных размерах [7, с. 10, прим. 4].

Шейх Мансур становится одним из первых лиц, пользующихся на Северном Кавказе особым статусом, сочетающим в себе элементы духовного и светского лидеров. Развитие идеологии тариката учениками шейха Мансура Гази-Мухаммадом, Джамалудином ал-Газигумуки и Магометом Ярагским в начале XIX века в значительной мере завершает формирование идеологии, позволявшей харизматичному лидеру фактически диктовать своей общине не только нормы повседневной жизни и права, но и принципы геополитики, мотивируя свои решения «божественным приказом» [8].

Этот постулат идеологии, по всей видимости, становится отправной точкой изменения сознания последователей тариката. Если ранее большинство решений принималось в общинах Северного Кавказа коллегиально, а ответы на религиозные вопросы исходили из текста Корана, то, согласно идеологии, созданной Джамалудином ал-Газигумуки и Магометом Ярагским, принцип провозглашения непогрешимости духовного лидера-имама фактически создавал не свойственную традиционному исламу систему посредничества главы общины между рядовыми верующими и Аллахом. Это фактически ставило идеологию будущего Северо-Кавказского имамата в прямую зависимость от личных религиозно-политических взглядов ограниченного числа лиц, играющих роли духовных лидеров.

Следующим этапом манипулирования массовым сознанием народов Северного Кавказа в 20-е гг. XIX в. становится планомерное разрушение их национально-культурной идентичности. В числе наиболее важных объединяющих критериев этноса учёные называют единство территории проживания, единство языка и единство священных символов.

Уже первые шейхи – от шейха Мансура и имама Гази-Мухаммада до имама Шамиля начинают планомерную политику насаждения (подчас насильственного) арабского языка на Северном Кавказе. Этот факт отмечали в своих работах Ю. Дадаев [9] и Н.С. Джидалаев [10, с. 270-271]. Последний утверждал, что процессу арабизации подверглась не только языковая и делопроизводственная сфера, но и вся бытовая сторона жизни народов Северного Кавказа. Интересно, что, по мнению большинства историков, при этом руководство Северо-Кавказского имамата занимало в политическом отношении проосманскую позицию.

Одновременно с этим начинается активная политика запретов национальных игр, состязаний, песен и легенд. Апофеоза данная политика достигает в годы правления имама Шамиля [4, с. 124]. За нарушение запрета на любые проявления национальной культуры следовали как телесные наказания, так и уничтожение жилища и конфискация иного имущества [2, с. 125-126]. При этом сам имам Шамиль практиковал танцы как элемент суфийских ритуалов, но данные танцы не имели ничего общего с традициями народов Северного Кавказа XIX в.

Кроме того, под руководством имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-Бека и Шамиля происходит жёсткая насильственная замена адатного (традиционного) права законами шариата [1, с. 4]. В принципе такая политика закономерна в XIX в. в регионах, в которых происходит процесс исламизации. Однако адатное право рассматривается имамами Северо-Кавказского имамата как «создание Сатаны» [12, с. 35], и гонениям подвергаются не язычники, а люди, идентифицирующие себя как мусульмане (многим даже приходится бежать на территорию, контролируемую русскими войсками) [1, с. 4]. То есть мусульманин, совершивший грех, не воспринимается сторонниками Гази-Мухаммеда как мусульманин, а воспринимается как «неверный»-кафир, несущий нечестие, а значит, долженствующий подвергнуться наказанию. Аналогичный постулат в наши дни исповедуют радикальные салафиты Саудовской Аравии, Катара и ИГ.

После мер по внесению вместо традиционного языкового единства кавказских народов системы «священного» арабского языка, после мер по искоренению проявлений национальной культуры в пользу культуры тариката, произошедших в период правления имамов Гази-Мухаммада и Гамзат-Бека, имам Шамиль приступает к очередному этапу воздействия на сознание жителей Северо-Кавказского имамата.

Речь идёт о подмене ряда понятий, характерных для мусульманского общества, которая ведёт к созданию своеобразной идеологии управляемого фанатизма.

Так, например, для обозначения войны с Российской империей и мусульманами иного направления ислама сторонники Гази-Мухаммада, а позднее и его преемника имама Гамзат-бека выбирают термин «газават», а не «джихад». Термин «джихад» в данном контексте начинает применяться именно при имаме Шамиле. Термин «газават» в «The Cambridge History of Islam» трактуется, в числе прочего, как явление, известное ещё в доисламский период, – вооружённая борьба между племенами аравийского

полуострова за контроль над водоёмами, скотом или пастбищами, представляющая собой набег на территорию противоборствующего племени. В раннеисламский же период истории арабской цивилизации понятие «газават» относилось к войнам, в которых непосредственно участвовал Пророк Мухаммад [12, с. 569]. Об этом же пишут Бернард Льюис [13, с. 71-72] и Рейвен Фирестон [14, с. 14-15]. Понятие «газават» не встречается в тексте Корана. В более позднее время понятие «газават» практически сливается с понятием «джихад меча». Однако есть различия: например, газават может объявить глава племени, тогда как джихад – только халиф. Использование термина «газават» можно расценивать как апелляцию к раннеисламской (если не доисламской) традиции.

Ещё одним из примеров серьёзных отличий в практике имамов и шейхов на территории Северо-Кавказского имамата было распространение особого вида практики вирда. В традиционном исламе вирдом принято называть чтение в установленное время аятов из сур Корана либо молитв, а также упоминание священных имён Аллаха. Однако на территории Северо-Кавказского имамата понятие вирд имеет значение, характерное для суфизма: ежедневное задание от шейха своему мюриду, заключающееся в чтении аятов из Корана, вознесения молитв и прославления имени Аллаха [15, с. 47]. Методы прославления имени Аллаха определяет шейх.

Столь лёгкая манипуляция сознанием представителей народов Северного Кавказа может объясняться не только талантом проповедников и «формальным» влиянием имамов и шейхов, но и низким уровнем религиозного образования на Северном Кавказе. В исследуемый период большинство жителей Северного Кавказа не могли позволить себе обучение в медресе, а уровень образования в «коранических школах» зачастую позволял ученикам лишь читать Коран, но не осмысленно его толковать [16, с. 12].

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что насаждение новой «истинно мусульманской» идеологии проводилось имамами Северо-Кавказского имамата методами, структурно сходными с методами, современных экстремистских псевдомусульманских группировок (например, ИГИЛ). Алгоритм был прост:

1. Насильственное принуждение к отказу от национальных и культурных традиций, замена их на законы шариата в том виде, каком его понимали имамы Северо-Кавказского имамата;

2. Присвоение имамами исключительного права толкования Священных текстов;

3. Планомерные гонения лиц, отказывающихся соблюдать введённые имамами правила;

4. Систематическое вовлечение в религиозный конфликт всех слоёв населения.

Фактически, можно сделать вывод, что к концу 20-х гг. XIX в. идеология тариката Накшбандия трансформировалась на Северном Кавказе в вероучительную систему, заимствовавшую структуру от суфийского тариката, но содержательно имеющую выраженное сходство с современной идеологией радикальной салафии.

Литература:

1. Тахир М. Три имама. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 100 с.
2. Карч-Карчевский Д.А. Законы Шамиля // Живописное обозрение. – СПб.: Императорская академия наук, 1875. – С. 125-154.
3. Корольков М.Я. Шейх-Мансур Анапский. (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. – 1914. – № 5. – С. 410-417.
4. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.; Л.: Изд-во АН СССР 1939. – 106 с.
5. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. – 1956. – № 3. – С. 75-84.
6. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1966. – 316 с. Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов.
7. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
8. Дадаев М. Кавказская война. Имам Гази-Мухаммад. – URL: http://www.islamdag.ru/istoriya/2269 свободный (последнее обращение 3.04.2017).
9. Дадаев Ю. Государственный язык Имамата // Ахульго. – 2008. – № 8. – URL: http://www.gazavat.ru/journal3.php?mag_id=14&article_id=136 свободный (Последнее обращение 26.04.2017).
10. Джидалаев Н.С. Язык общения имамата // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. / Материалы Всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994. – С. 270-271.
11. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 382 с.
12. The Cambridge History of Islam. Vol. 1: The Central Islamic Lands / Ed. P. M. Holt. – Camb.: University of Cambridge, 1970. – P. 569-573.

13. Lewis B. The Political Language of Islam. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 208 p.
14. Firestone R. Jihad: The Origins of Holy War in Islam. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 14-15.
15. Хизриева Г.А. Вирдовые братства в Ингушетии // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 47-58.
16. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии – 2003. – № 2. – С. 5-31.

North-Caucasian Imamat: the Experience of Changing the Mass Consciousness and the Radicalization of Religious Belief

A.A. Gorin, Z. V. Silaeva
Kazan (Volga Region) Federal University

The article raises the question of the mechanisms of changing mass consciousness using elements of supranational religious dogma, and individual dogmas of world religion. Particular attention is paid to the mechanism of changing the national cultural identity of a person, replacing the latter with religious fanaticism based on the rejection of historically established legal, ethical and aesthetic traditions.

Key words: national-cultural identity, Sufism, gazavat, jihad, change of consciousness, religion, Islam.